

Как чистый лист бумаги / Качели

Мелодрама в одном действии

по мотивам пьесы Теннесси Уильямса «Предназначено на слом»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коломбина

Пьеро

Арлекин

Основное действие:

Уилли.

Том.

Френд

На сцене появляется Коломбина, потом Арлекин. Дивертисмент. Появляется Фрэнк, за ним бежит

Уилли.

Уилли. Подожди...

Фрэнк. Что?

Уилли. Ты уже уходишь?

Фрэнк. А что еще?

Уилли. Но я тебе еще не все показала.

Фрэнк. Да, действительно, ты мне не все еще показала...

Гудок паровоза.

Фрэнк. Курьерский. Ух, как несется!

Уилли. Здесь можно поиграть, и вот там бак с водой, и вот там еще...

Фрэнк. Поиграть!... Ты еще просто маленькая... А здесь посмотреть-то не на что в этом тупике...

Уилли. Нет, я могу тебе показать. Мы с Элвой здесь часто гуляли. Она очень здорово ходит по рельсам. Правда-правда. Если пойти в ту сторону до пятого столба, потом свернуть, то окажешься у казино «Лунное озеро», а если пойти туда, к баку с водой, то рядом кафе «Синяя птица», а там...

Фрэнк. Кто спорит. Здесь, скорее всего, много интересных местечек.

Уилли. Ага.

Фрэнк. Но ты мне сразу о них не сказала.

Уилли. Ты же хотел посмотреть, где я живу.

Фрэнк. Сама же сказала, что ты сейчас одна. Все, я пошел....

Уилли. Но ты еще придешь?

Фрэнк. Не знаю. С тобой неинтересно. Ты еще маленькая. И потом, ты меня не слушаешься.

Уилли. Но Элва сказала, что мужчин не надо слушаться, что это они...

Фрэнк. Элвы сейчас нет.

Уилли. Ага. Просто она...

Фрэнк. Я же тебе сказал, что мне не интересно. Поговорим потом. Я тебя в школе найду.

Уилли. Но я...

Фрэнк. Не бойся, никто ничего не узнает. И никто не поймет, что мы знакомы.

Уилли. А как тебя зовут?

Фрэнк. Фрэнк.

Уилли. А меня...

Фрэнк. Растрепка! Да, тебя будем звать Растрепка! Ха, здорово.

Уилли. Ага.

Фрэнк. И дом у тебя замечательный – никто не мешает. Ну, все, я хочу есть.

Уилли. Ага. Я тоже.

Фрэнк. Ну, в этом случае зевать нельзя. Я еще зайду к тебе. Если ты будешь меня слушаться, мы станем большими друзьями.

Фрэнк уходит. Уилли уходит в другую сторону под музыку. Появляются Коломбина и Пьеро. Дивертисмент. Выбегает Том с бумажным змеем. Появляется Уилли, она идет по рельсам.

Т о м. Эй! Ты кто такая?

У и л л и. Подожди. Вот упаду, тогда и поговорим. (Пошатываясь, продолжает двигаться вперед.)

Том с немым восхищением наблюдает за нею. Ее все больше и больше клонит из стороны в сторону.

(Задыхаясь.) Возьми... мою Растрепку... Ну, мою куклу. Ладно?

Т о м (карабкаясь на насыпь). Ладно.

У и л л и. Боюсь разбить ее... когда упаду. По-моему... мне долго... не продержаться. Верно?

Т о м. Факт.

У и л л и. Вот-вот... упаду.

Том хочет поддержать ее.

Нет, не трогай меня. Помогать не полагается. Надо все расстояние пройти самой. О господи, до чего же меня качает! И чего я так разнервничалась? Видишь бак с водой, вон там?

Т о м. Ну, вижу.

У и л л и. Оттуда... я и начала. Это самое большое расстояние, которое... мне удалось пройти... ни разу не упав. Вернее, будет самым большим... если я продержусь... до следующего... телеграфного столба. Ой, падаю!

(Окончательно теряет равновесие и скатывается с насыпи.)

Т о м (теперь он стоит над ней). Ушиблась?

У и л л и. Коленку оцарапала. Хорошо еще, что шелковых чулок не надела.

Т о м. А ты поплюй на царапину — от этого боль проходит.

У и л л и. Попробую.

Т о м. Звери всегда так лечатся — раны себе зализывают.

У и л л и. Знаю. Но больше всего пострадал, кажется, мой браслет: один бриллиант даже выпал. Куда он только закатился?

Т о м. Тут, в шлаке, его ни за что не найти.

У и л л и. А может, и найдем. Он очень ярко блестит.

Т о м. Все равно поддельный.

У и л л и. А ты почему знаешь?

Т о м. Догадываюсь. Будь он настоящий, ты бы не ходила по рельсам с растрепанной куклой и гнилым бананом в руках.

У и л л и. Ишь ты, какой умник! А может быть, я психованная или еще что-нибудь? Не знаешь — не говори. Звать-то тебя как?

Т о м. Том.

У и л л и. А меня Уилли. У нас обоих мужские имена.

Т о м. У тебя-то почему?

У и л л и. Старик ждал мальчика, а я взяла и оказалась девочкой. А у них уже была одна. Элва. Моя сестра. Ты почему не в школе?

Т о м. Я думал, ветрено будет и мне удастся запустить змей.

У и л л и. А почему ты так думал?

Т о м. Потому что небо совсем белое. А ты почему не в школе?

У и л л и. Я в нее не хожу. Уже два года как бросила.

Т о м. В каком была классе?

У и л л и. В пятом "а".

Т о м. У мисс Престон?

У и л л и. Ага. Она вечно твердила, что у меня руки грязные. Но потом я объяснила ей, что это в них зола въелась — я ведь постоянно с рельсов падаю.

Т о м. Она здорово строгая.

У и л л и. Да нет, просто злится, что не вышла замуж. Не представилось случая бедняжке. Вот ей и осталось одно — учить пятый "а" до конца своей жизни. Она как раз начала проходить с нами алгебру, а мне было наплевать, что там означают разные иксы. Вот я и бросила школу.

Т о м. Но ты никогда не получишь образования, бегая по рельсам.

У и л л и. Запуская красного змея, образования тоже не получишь. И, кроме того...

Т о м. Что?

У и л л и. Чтобы преуспеть в жизни, девушке нужно светское воспитание. А я научилась всем этим штукам у моей сестры Элвы. Она страшно нравилась всем мужчинам с железной дороги.

Т о м. Машинистам?

У и л л и. Да, и машинистам, и кочегарам, и проводникам. Даже товарному кондуктору. Наши держали меблированные комнаты со столом для служащих железной дороги. Элва была, можно сказать, главной приманкой. Красивая! — никакой кинозвезде не уступит, ей-богу!

Т о м. Твоя сестра?

У и л л и. Она самая. Один наш постоялец из каждой поездки привозил ей большую красную шелковую коробку в форме сердца, а в той коробке — и шоколад ассорти, и орехи, и конфеты. Здорово?

Т о м. Д-да.

Карканье ворон.

У и л л и. Знаешь, где теперь Элва?

Т о м. В Мемфисе?

У и л л и. Нет.

Т о м. В Нью-Орлеане?

У и л л и. Нет.

Т о м. В Сент-Луисе?

У и л л и. Все равно ни за что не угадаешь!

Т о м. Где же она тогда?

Пауза.

У и л л и (торжественно). Она в юдоли смерти.

Т о м. Где-где?

У и л л и (взрываясь). В юдоли смерти, на кладбище, в могиле! Ты что, глухой, что ли?

Т о м. Ах вот оно что! Скверное дело.

У и л л и. Но ты еще не знаешь всего, приятель. До чего же весело мы проводили когда-то время в этом большом желтом доме!

Т о м. Представляю себе!

У и л л и. Музыка день и ночь, инструменты не смолкают...

Т о м. Инструменты? Какие?

У и л л и. Пианино, виолончель, металлическая гавайская гитара. Каждый на чем-нибудь да играл. Но теперь там до ужаса тихо. Оттуда ни звука не доносится, верно?

Т о м. Да. В доме никто не живет?

У и л л и. Никто, кроме меня. И на стене висит большое объявление.

Т о м. Что же там написано?

У и л л и (громко, но слегка прерывающимся голосом). "Предназначено на слом".

Т о м. И ты все-таки живешь там?

У и л л и. Угу.

Т о м. Что у вас стряслось? Куда же все подевались?

У и л л и. Мать сбежала с тормозным кондуктором. И после этого все развалилось.

Гудок паровоза.

Гудок слышишь? Это курьерский. Ух, как несется!..

Уилли хватает бумажного змея и начинает бегать от Тома. Том старается вырвать свою игрушку и в итоге обнимает Уилли.

У и л л и. А старик мой запил.

Т о м. Где он сейчас?

У и л л и. Исчез. Думаю, мне следовало бы заявить о нем в бюро по розыску без вести пропавших. Он именно так и поступил, когда сбежала мать. Потом мы жили вдвоем с Элвой, пока у нее не разболелись легкие. Ты Грету Гарбо видел в «Даме с камелиями»? Прошлой весной у нас в киношке крутили эту картину. Так вот, она хворала тем же, от чего умерла Элва. Больные легкие.

Т о м. Да ну?

У и л л и. Только в кино все получилось очень красиво. Понимаешь, играли скрипки, всюду груды белых цветов, и все ее поклонники вернулись к ней. Очень трогательная сцена.

Т о м. Да ну?

У и л л и. А вот от Элвы все поклонники сбежали.

Т о м. Да ну?

У и л л и.словно крысы с тонущего корабля. Это она так говорила — Элва. Непохоже было на смерть в кино.

Т о м. Да?

У и л л и. Она спрашивает: "Где Элберт? Где Клеменс?" А их и след простыл. Я ей вру: "Они передали тебе привет. Зайдут завтра". "Где мистер Джонсон?" — спрашивает она. Джонсон — это товарный кондуктор, самый солидный наш постоялец. "Его перевели в Гренаду, — отвечаю я, — но он просит не забывать его". Но все равно она знала, что я вру.

Т о м. Да ну?

У и л л и. "Это расплата, — частенько говорила она. — Все они бегут от меня, словно крысы с тонущего корабля". Все, кроме Сидни.

Т о м. А кто такой Сидни?

У и л л и. А тот, что дарил ей большущие красные шелковые коробки с шоколадом «Американская красавица».

Т о м. Вот оно что!

У и л л и. Он остался ей верен.

Т о м. Это хорошо.

У и л л и. Но Сидни ей никогда не нравился. Элва говорила, что у него гнилые зубы и изо рта плохо пахнет.

Т о м. Вот тебе раз!

У и л л и. Да, она умирала не так, как в кино. Когда в кино кто-нибудь умирает, обязательно играют на скрипках.

Т о м. А для Элвы не играли?

У и л л и. Нет. Даже на вистроле не играли. В больнице сказали, что это запрещено правилами. А ведь дома она всегда пела.

Т о м. Кто? Элва?

У и л л и. Да. Вечера она устраивала грандиозные. Вот это, например, был ее коронный номер. (Вытягивает руки и закрывает глаза, копируя экстатическую манеру профессиональных исполнительниц блюзов. Голос у нее необыкновенно высокий и чистый, тембр сдержанно взволнованный.)

Я хочу, чтоб это был сон,

но по-моему я не сплю.

Я болею тобой, я дышу тобой.

Жаль, но я тебя люблю...

На мне ее платье — оно перешло ко мне по наследству. Все, что было у Элвы, теперь мое. Кроме бус. Они у нее были из чистого золота.

Т о м. А куда они делись?

У и л л и. Она их никогда не снимала.

Т о м. Понятно.

У и л л и. Ко мне по наследству перешли и все поклонники сестры: Элберт, Клеменс, даже товарный кондуктор.

Т о м. Да ну?

У и л л и. Тогда они все исчезли. Боялись, наверно, как бы не пришлось потратиться. А теперь снова возвращаются — как мухи на мед. Приглашают меня по вечерам в разные места — я ведь теперь вхожу в моду. Да, да, и на вечера, и на танцы, и на все праздники железнодорожников приглашают. Вот погляди!

Уилли начинает танцевать.

Т о м. На что глядеть?

У и л л и. Как я умею танцевать. (Становится перед мальчиком в позу и делает несколько судорожных движений животом.)

Т о м. Фрэнк Уотерс говорил, что ты...

У и л л и. Что?

Т о м. Да ты сама знаешь.

У и л л и. Что я знаю?

Т о м. Что ты зазвала его в дом и... танцевала там для него.

У и л л и. Вот оно что!.. А Растрепке надо вымыть голову. Но я боюсь ее мыть — голова может расклеиться в том месте, где у нее был сложный перелом черепа. Вот тогда, наверно, у куколки и вытекли почти все мозги. Недаром она с тех пор ведет себя так глупо — болтает бог знает что и выходки самые невероятные.

Т о м. Почему ты не хочешь сделать это для меня?

У и л л и. Что сделать? Заклеить тебе череп? У тебя тоже сложный перелом?

Т о м. Нет. Сделать то, что ты сделала для Фрэнка Уотерса.

У и л л и. Нет!

Т о м. Но почему?

У и л л и. Потому что тогда я была одинока, а теперь нет. Можешь так и сказать Фрэнку Уотерсу. Скажи ему, что поклонники моей сестры перешли по наследству ко мне. Я бываю в обществе с мужчинами, занимающими важные должности.

Том убегает. Уилли садится на рельсы и плачет. В этот момент появляются Пьеро, Арлекин и Коломбина. Дивертисмент. Затем появляется Фрэнк.

У и л л и. Ты вернулся.

Ф р э н к. Ну конечно, я ведь обещал.

У и л л и. Фрэнк?!

Ф р э н к. А ты кого хотела увидеть? А! Понимаю, ты себе завела новых дружков?

У и л л и. Ты всем рассказывал обо мне...

Ф р э н к. Нет, я просто разыскивал тебя. Оказалось, что ты давно не ходишь в школу. И что твои родители пропали, и что твоя сестра умерла от чехотки, и что тебя тоже не могут найти.

У и л л и. Да ведь я тебе пыталась все это рассказать, а ты меня не слушал, ты меня не слышал... А теперь я не хочу, чтобы ты ко мне приходил.

Ф р э н к. Ого! Ты же сказала, что будешь меня слушаться. Пошли в дом, и ты станцуеть для меня опять.

У и л л и. Нет!

Ф р э н к. Почему это нет? Ты же танцевала тогда и даже раздевалась.

У и л л и. Я тогда была одна. И ты был первый челвоек за долгое время, кто пришел в мой дом. И я хотела, чтобы ты не уходил. А Элва говорила, что мужчинам нравится, когда девушки раздеваются.

Ф р э н к. Конечно нравится. Пошли!

У и л л и. Я сказала — нет! Теперь . . .

Ф р э н к. Что теперь?

У и л л и. Теперь ты рассказал многим, что я здесь живу. Вчера приходила инспекторша...

Ф р э н к. Ну, видимо, кто-то проболтался... А я уж думал...

У и л л и. Что приходил кто-то из твоих... дружков? Кто-то из тех, перед кем ты хвастался?

Ф р э н к. Кто тебе сказал?

У и л л и. Никто... Сама догадалась. И ты ... не приходи больше.

Ф р э н к. Вот как.

У и л л и. Да-да. Поклонники моей сестры перешли по наследству ко мне. Я бываю в обществе со взрослыми мужчинами и до мальчишек мне нет никакого дела.

Ф р э н к. Так вот почему ты так разряжена, Растрепка!

У и л л и. Меня зовут Уилли. Растрепка – это моя кукла. Отдай!

Ф р э н к. Я отдам, когда мы пойдем в твой заброшенный дом, и ты будешь там для меня танцевать голой.

Ведь это ты делаешь со всеми этими мужчинами.

У и л л и. Нет.

Ф р э н к. Что нет?

У и л л и. Элва сказала, что девушка не должна раздеваться совсем. Никогда. Нужно просто дразнить мужчину и тогда будут долго рядом.

Ф р э н к. Вот и нечего дразнить. Твоя Элва додразнилась, она теперь дохлая. И ты додразнишь всех этих мужчин. Слушайся меня – пошли в дом! А если ты не будешь меня слушаться, то я позову своих приятелей, и мы делать с тобой все, что захотим. Выбирай!

У и л л и. Ты очень плохой, как я сразу не поняла.

Ф р э н к. Пошли, говорю!

У и л л и. Мне больно!

Входит Том.

Т о м. Фрэнк, ей больно.

Ф р э н к. Ты?! Что ты здесь делаешь? А ты пришел посмотреть, как эта девчонка танцует голая? Ну, тогда помоги мне затащить ее вот в тот дом.

Т о м. Я не дам тебе обижать Уилли.

Ф р э н к. Что? Что ты сказал? Так ты уже был здесь? Ха, понятно... мне теперь все понятно. Так вот чем ты тут занимаешься с заступничком. Боялась, что я вас застану.

Том ударяет Фрэнка. Драка.

Ф р э н к. Ты пожалеешь. И ты пожалеешь.

Фрэнк убегает.

У и л л и. Ты пришел посмотреть, как я танцую Голой?.. ..

Т о м. Да....

У и л л и. А небо и вправду белое. Верно? Как чистый лист бумаги. В пятом «а» мы рисовали картинки. Мисс Престон давала нам по листку чистой бумаги и говорила, чтобы мы рисовали что нам хочется.

Т о м. И что же ты рисовала?

У и л л и. Помнится, однажды я нарисовала ей, как моего старика огрели бутылкой по голове. Мисс Престон понравилось, она и говорит: «Смотрите, вот Чарли Чаплин в своем котелке, сдвинутом набок». А я говорю: «Да нет же, это не Чарли Чаплин, а мой отец, и это не котелок, а бутылка».

Т о м. А она что?

У и л л и. Сам знаешь, учительница шуток не понимает.

Я болею тобой, я дышу тобой.

Директор школы сказал, что у меня дома атмосфера неподходящая. Это он про то, что у нас бывали железно-дорожники и кое-кто из них оставался ночевать.

Т о м. Неужто оставался?

У и л л и. Так ведь Элва была главной приманкой. Теперь-то дом, конечно, пуст.

Т о м. И ты в нем тоже больше не живешь?

У и л л и. Живу, конечно.

Т о м. Одна?

У и л л и. Ага. Вообще-то считается, что в доме никого нет, а я живу. Считается, что он предназначен на слом, но жить там вполне можно. Вчера туда сунулась какая-то инспекторша из графства. Я только взглянула на ее шляпу и сразу угадала, что это инспекторша. Вот уж не назвала бы ее чепчик стильным.

Т о м. Ну, и что ты сделала, когда инспекторша пришла?

У и л л и. Спряталась наверху. Притворилась, что в доме никого нет.

Т о м. А что же ты ешь?

У и л л и. Что придется. Если не зевать, всегда что-нибудь найдешь. Вот, например, этот банан. Он еще совсем хороший. Я вытащила его из мусорного бака, что позади кафе "Синяя птица". (Доедает банан и бросает шкурку на землю.)

Т о м (ухмыляясь). Понятно. Это ты у мисс Престон научилась не зевать? Или у Фрэнка Уотерса? Это его любимая фраза.

У и л л и. Нет, не у него. Она просто давала лист чистой бумаги и говорила: "Рисуй что хочешь". Однажды я нарисовала ей... Да ведь я тебе об этом уже рассказывала, верно? Значит, передашь Фрэнку Уотерсу?

Т о м. Что?

У и л л и. Что товарный кондуктор купил мне кожаные туфли. Лакированные. Такие же, как были у Элвы. Я пойду в них на танцы в казино «Лунное озеро». Всю ночь буду танцевать, домой вернусь только под утро. Там будут петь серенады под аккомпанемент разных инструментов — труб, тромбонов, металлических гавайских гитар. Да, да! (Возбужденно встает.) И небо будет белым, как сейчас.

Т о м (под впечатлением ее рассказа). Правда?

У и л л и. Ага. (Рассеянно улыбается и медленно отворачивается.) Белым... как чистый лист бумаги. (Возбужденно.) Я буду рисовать на нем... картины.

Т о м. Рисовать?

У и л л и. Конечно.

Т о м. Картины? Про что?

У и л л и. Про то, как я танцую. С товарным кондуктором. В лакированных туфельках. Да, да! А каблук у них французский, высокий, как телеграфный столб. А играть будут мою любимую песенку.

Т о м. Твою любимую?

У и л л и. Да. Ту же, что любила Элва. (Здыхаясь, страстно.) Я... *хочу чтоб это был сон...*

Пауза. Паровозный гудок.

Курьерский.

Т о м. Ты часто вспоминаешь Элву?

У и л л и. Не так уж часто. Время от времени. Это было непохоже на смерть в кино. Поклонники разбежались. Скрипки тоже не играли... Пойду-ка я обратно.

Т о м. Куда, Уилли?

У и л л и. К баку с водой.

Т о м. Да ну?

У и л л и. И начну все сначала. Может быть, побью рекорд. Элва, та один раз побила. Можешь передать Фрэнку Уотерсу все, что я сказала. У меня нет времени на мальчишек. Ты мне не веришь?

Т о м. Нет. По-моему, ты много навывдумывала.

У и л л и. Ну и не верь. Я, конечно, могла бы доказать, что не вру, но что толку спорить с тобой. (Приглаживает волосы Растрепке.) Я буду жить долго-долго, как моя сестра. А когда у меня заболит легкое, я умру, как она. Может быть, не совсем так, как в кино, но на мне будут мои жемчужные серьги и золотые бусы из Мемфиса...

Т о м. Правда?

У и л л и (критически оглядывая Растрепку). А еще я думаю...

Т о м. Что?

У и л л и (весело, но с дрожью в голосе). Что мои поклонники тоже перейдут к кому-нибудь по наследству. А небо белое-белое.

Т о м. Ага.

У и л л и. Белое, как лист чистой бумаги. Ну, я пойду обратно.

Т о м. Пока.

У и л л и. Пока. (Идет по рельсе в обратном направлении, карикатурно изгибаясь в попытках сохранить равновесие; потом исчезает.)

Том слюнит палец и поднимает его, определяя, откуда ветер.

(Издалека.)

Дотянись рукой – твоя...

Звучит музыка. Уилли уходит по рельсам. Том убегает в другую сторону. Появляются Пьеро и Колумбина. Затем Том приносит связку бананов. Кладет на рельсы, но тут появляется Уилли и они садятся, чтобы съесть бананы.

ПОКЛОН.